Вышняя жизнь

Самое прекрасное небесное чувство живёт в наших душах, когда мы сознаем, что смерть и могила приносят нам новую жизнь, что устраняют они от нас все земные печали, лишения, болезни и недоразумения, которые случаются в жизни. Мы не боимся смерти и всегда готовы к ней, потому что знаем — смерть снимает только ветхую ненужную одежду с души и даёт ей полную свободу — крылья, которые уносят её в небеса. Мы не умираем, но оживаем к новой вечной жизни.

Один христианин, при жизни, написал следующие слова: «В недалеком будущем вы прочтёте в газетах, что в таком-то городе, тогда-то умер такой-то; не верьте ни одному слову! В момент, когда будете читать эти слова, во мне будет гораздо больше жизни, чем сейчас; я поднимусь только выше, выйдя из этого старого глиняного обиталища; я войду в дом бессмертный; обрету тело, которого никогда не может коснуться смерть; ничто не может запятнать тело, подобное Его прославленному телу. Я родился по плоти в 1837 году; родился от Духа в 1856 году. То, что рождается от плоти, умирает, а то, что рождается от Духа, — живет вечно».

Сперджен говорит: «Как я жалею, что все эти неверующие не присутствуют при смерти истинных христиан... Если бы они видели, как они умирают, и слышали бы их последние предсмертные слова, то неверие исчезло бы, и они сами пали бы ниц к подножию Христа, распятого Спасителя».

Чрезвычайно трогательно умер знаменитый американский проповедник Д. Л. Муди. Он умер, сравнительно, в раннем возрасте — 62 лет, в 1899 году. В течение 44-х лет жил духовной жизнью, так что перемещение от видимого к невидимому, из временной сферы — в вечную, не составляло перерыва в его жизни: несомненно, в новых сферах он продолжает служить своему Господу с той же неутомимой энергией. Его единственной целью в земной жизни было — исполнение воли Божьей. Смерть его произошла от ожирения и перерождения сердца; ему

пришлось лечь в постель, вследствие слабости сердца. В ночь на 22 декабря 1899 года около него находился его зять А. Г. Фетт; в 3 часа ночи сменил его сын Муди — В. Р. Муди; отец только заснул в шесть часов и, проспав около часа, проснулся; тогда сын услышал, как отец отчетливо говорил: «Земля уходит; небеса открываются предо мной». Думая, что отцу снится сон, сын попробовал его уверить в этом, но отец ясно ответил: «Нет, Виль, это не сон; как прелестно! О, если это смерть, то какая это сладость! Здесь нет долины (смертной) ... Бог зовет меня, и я должен идти».

Сестра милосердия, которая была в спальне, отправилась вниз к семье и позвала родных к больному; Муди продолжал тихо говорить; казалось, что он передает семье поручения из того мира. Каждому он дал поручение — заведовать его учреждениями (семинарией, институтом, богадельней и т. д.).

После этого, казалось, что завеса поднялась перед его глазами, и он воскликнул: «Вот моя победа ... Вот день моего венчания ... Многие годы я ожидал наступления этого дня».

Затем, подняв глаза, он радостно воскликнул: «Дуайт ... Ирен... я вижу их — вижу их лица...»

Это были дети, умершие его внуки. Он впадал в безсознание, но доктор делал впрыскивания и на мгновение оживлял его; в одно из таких мгновений он произнес: «Нет страданий, нет долины...» и еще: «Если это смерть, то она совсем не плоха... Напротив, она сладка!..»

Один раз он даже встал и сел на кресло, но затем опять лег в постель.

Как-то, придя в сознание, он привстал и, облокотившись, спросил: «Что это все значит? Что вы все здесь делаете?» Ему жена объяснила, в чём дело; тогда он сказал ей: «Странная вещь... Я уже был вне врат смерти — у самого порога Небес, и вдруг я опять здесь, как это странно!..»

Доктору он говорил, когда тот делал ему впрыскивания: «Думаете ли, что это разумно? Ведь это только может продлить страдания семьи».

Доктор прекратил свои научные применения, и дух праведника воспарил к небесам. Можно себе вообразить тот приём, который был ему оказан бесчисленными возлюбленными, ожидавшими его там.

Сперджен о Небесах

Человек по своей плотской природе довольствовался бы вечным пребыванием на земле. Но если вы жаждете иметь святое и духовное состояние, ваши желания не будут соответствовать плоти; они будут руководимы Богом. Я готов даже сказать, что стремление к небесам противоположно стремлению плоти, ибо, как существует инертность в материи, которая удерживает её от движения, так точно в плотской природе нет влечения оставить настоящее, чтобы заменить его будущим. Подобно морской раковине, мы прилепляемся к утесу, по которому ползём; подобно плющу, цепляемся за землю. Мы боимся распустить паруса на неведомом море вечности; потому остаёмся и дрожим на берегу. Мы страшимся оставить это тёплое убежище глины — нашу жалкую, телесную лачугу, считая её драгоценной. Господь же запрещает нам лежать среди горшков; Он даёт нам крылья горлицы, чтобы могли мы взлететь наверх. Скорее ком земли будет искать солнца, чем душа — своего Бога, но, благодаря ниспосланному чуду благодати, она

действует на душу и устраняет земные тяготы. Не будем подобны кораблю, поломанному и исковерканному бурей, только что избежавшему полного крушения на утесах, — которого тащат на буксире в гавань, с большим трудом; остов корабля почти открыл течь, весь груз испорчен, все мачты выброшены за борт, все флаги и сигналы растеряны, экипаж и пассажиры насквозь пропитаны морской водой — мокрые, дрожащие; на волосок были они от гибели. Да даст Господь, вместо этого, чтобы мы имели свободный и широкий вход в Царство нашего Господа Спасителя Иисуса Христа, со всеми надутыми парусами, с полным цельным грузом на борту: «похвалы славы благодати Своей, которою Он облагодетельствовал нас в Возлюбленном» (Ефесянам 1:6).

На небесах увидим, зачем мы восхищены и чем нам надлежит быть. Говорим, что мы чада Божьи, но понимаем ли все значение этого имени? Называем Небеса нашими, но знаем ли — что это означает? «Глаз не видел, и ухо не слышало, что Бог приготовил любящим Его». Когда будем стоять на стеклянном море и слышать играющих на арфах, когда присоединимся к их бесконечному хору музыки, когда увидим Того, Кто положил Свою жизнь за нас (да! увидим Его, как Он есть!); когда будем любоваться Агнцем Божьим, Который, Своей смертью, поднял нас от нашего смертного падения, Который снял все царские украшения, чтобы облечь нас в великолепие, — тогда будем поражены и преисполнены восхищением ...

Мы не услышим похоронного колокольного звона — его не слышно в Небесах. Ни одного Ангела не приносили к могиле, не хоронили, хотя Ангелы посещали гроб, так как видели их, сидящих — одного в головах, а другого в ногах, где лежало тело Иисуса; Ангелы не были в гробу; они лишь навестили гроб. У Ангелов нет ничего, чем могли бы питаться могильные черви; ни один гроб не может удержать их свободный дух. Так и освобожденные души, прошедшие через могилу и находящиеся со Христом, — не могут умереть; века будут проходить за веками, вечное движение круга небесных светил может нескончаемо продолжаться, но на головах небесных бессмертных святых никогда не появится седой отпадающий волос; никогда они не могут подвергнуться тлению.

Конечно, мы еще не познали так, как мы сами познаны, но все-таки мы отчасти знаем, и это частичное знание чрезвычайно драгоценно для нас. Иногда врата Небес открывались, и некоторые мужи видели поразительное. Три раза, во всяком случае, человеческий глаз созерцал нечто, относящееся к славе. Лицо Моисея, когда он сошёл с горы, так сияло, что стоящие вокруг него не могли смотреть на него, и он вынужден был закрывать его покрывалом. В этом сияющем лице человека, который был в общении с Богом, в течение сорока дней, вы можете усмотреть проблески прославленного человечества. Наш Господь ещё более ясно представил славу тела, когда преобразился, в присутствии трех учеников. Когда Его одежда стала сверкающей, белее всего, что человек мог видеть, когда Он весь сиял славой ярче всякого сияния, — Его ученики изумлялись. Лицо Стефана является как бы третьим окном, через которое мы можем видеть славу, явленную даже врагам, когда они смотрели на этого мученика, когда он исповедовал Христа, и когда видели его лицо, как лицо Ангела.

Вообразим, что Царь устроил пир; Он провозгласил всему миру, что никто не может войти, кроме тех, которые принесут с собой красивейший распустившийся цветок. И вот ароматы приближаются к воротам тысячами, каждый приносит с собою тот цветок, который считает самым

лучшим.

Несешь ли ты, душа, розу Саронскую? Хранишь ли постоянно на груди своей ароматный цветок ландыша? О, если это так, то ты пойдёшь во врата Небесные. Приобрети розу крови Голгофы верою, носи её, общением сохраняй её, и ты получишь благословение, сверх меры, и счастье превыше всякого сновидения; да будет же она твоей навеки!..

Как чудно Давид предсказал торжественное открытие врат, когда он воспел вхождение прославленного Героя ... Он восстал среди служащих Ангелов и входил не в призрачной форме, но в настоящем теле, и, когда Он приближался к жемчужным вратам, святые Ангелы запели: «Поднимите врата верхи ваши и поднимитесь двери вечные, и войдёт Царь Славы...» (Псалтирь 23:9). Когда на своих алмазных петлях те жемчужные врата отворились, и Иисус вошёл, — с тех пор, раз навсегда, дверь Небес осталась открытой. Чтобы показать нам, что отворённое никто не затворит, — Он обещал прийти опять. Его обещание звучит в наших ушах: «Се, иду как тать: блажен бодрствующий и хранящий одежду свою...» (Откровение 16:15). И еще Он говорит: «Се, гряду скоро, и возмездие Моё со Мною, чтобы воздать каждому по делам его» (Откровение 22:12). На Небесах мы будем иметь отдых. Если я сознаю, что близок к Небесам, то здесь буду стараться совершить больше той работы, которую буду делать на Небесах. Скоро мне там придётся играть на арфе — так буду лучше настраивать её. Песни, гимны, которые пою теперь, может быть, буду петь и на Небе. Хотя слова и музыка на Небе будут несравненно выше, мелодичнее, — но все же главная песнь на Небесах будет та же, какой мы славим Господа здесь.

Главное славословие — это благодарность, что Он пролил Свою кровь за нас. Ангелы благословляют имя Эммануила за бесчисленные, незаслуженные дары для недостойных, и мы — тоже. Мои, убелённые сединами, братья... поздравляю вас — ибо вы у порога Небес; пребывайте в славословии больше, чем когда-либо! Ускоряйте ваши шаги, по мере большего шума от приближающегося берега. Вы уже у жемчужных врат — так пойте же, хотя бы недуг вас одолевал; пусть песнь плывет и раздается громче, пока не сольется с Небесной гармонией.

Апостол Павел видел славу Небесную короткое время и признался, что слышал неизреченные глаголы, которые человеческий язык не в состоянии передать; не сомневаюсь, что он почувствовал себя совершенно неспособным описать виденное. Хотя он обладал большим даром языков, но, на этот раз, замолк; величие темы закрыло ему уста.

Молитесь, дорогие друзья, чтобы Дух славы почил на вас, чтобы вы могли видеть, сколько это доступно для нас в настоящее время, — наследие святых. Нам сказано, что «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его»; но всё же наш глаз здесь видел чудеса природы Божьей — творение рук Его. Какие чудные солнечные восходы и закаты мы видели; величие Альп нас поражало; могущество, беспредельность и чудеса грандиозного океана оставляли неизгладимый жизненный след в нашей памяти... Но какова бы ни была красота природы, она не может дать нам идею о сверхъестественной славе Бога, приготовленной для Его народа. Разве ухо не передавало нам чудные аккорды музыки, которые пронизывали нас насквозь и доставляли высшее эстетическое наслаждение... Мы слышали прекрасные речи, чудные слова, вносившие в наши души и радости, и восторги, и надежды... И, все-таки, все эти мелодии, все эти прелести ораторского искусства не в состоянии изобразить в нашей душе все то, что Бог приготовил для любящих Его, и всю ту

славу, которая ожидает их.

Если мы обратимся к сердцу человека, то поразимся всему тому, что входило в него. Воображение человека и фантазия создавали удивительные вещи, так что глаз наслаждался и загорался от созерцания этой красоты островов из серебра и золота... Однако, все эти прелести не могли открыть жемчужных врат, ведущих в чертоги нашего Бога... Нет, все это не могло «прийти в сердце человека», а «нам Бог открыл сие Духом Своим». «Небеса» не являются совершенно неисследованной или неведомой страной; блеск и свет их не сокрыты за непроницаемыми стенами. Бог открыл радости, которые приготовлены для Его возлюбленных; но заметьте, хоть они и открыты Духом, — это не обыкновенное открытие; причина — почему это дошло до нашего сознания — выражена словами: «Дух все проницает, и глубины Божьи». Мы знаем, что слава, ожидающая святых, находится в разряде глубоких вещей Божьих.

Будем же молиться, чтобы Дух Святой ниспослал нам эти познания, — чтобы мы всегда пребывали во свете их.

Видишь ли, ты Славу Неба? ...

Славу дивную — Христа,

Где величие и святость

Обитают без конца? ...

О душа, вспорхни на крыльях...

Улетай же к небесам,

Где тебя в своих объятиях

Скроет наш Спаситель Сам.

Выбрал и обработал ХРИСТИАНИН (литературное имя сотрудника «Верности»).

Журнал «Верность» № 4, апрель 1931 год (5-й год издания)

Комментарии
